

О положении мирного населения на оккупированной территории Брянской области: (южная зона Дятьковского района)

При поступлении немецких войск осуществить эвакуацию всех желающих было невозможно даже по техническим причинам.

В первую очередь эвакуировались предприятия вместе с основным составом работников и их семей. Эти работники бронировались от призыва в армию. Аналогично и в сельской местности эвакуировали сельхозтехнику вместе с механизаторами.

Совхоз «Красный Кооператор» (ныне пос. Мичуринский), где застала нас война, размещался у автотрассы Смоленск-Брянск-Орел и мы могли наблюдать, как вместе с отступающими частями Красной армии шли грузовые машины, на которых с грудой мебели эвакуировались семьи чиновников. Этот вариант простым людям был не доступен.

Уехать самостоятельно по железной дороге можно, по-моему, было только к родственникам.

Эвакуировалось только то, что нужно было для производства, без чего его нельзя было запустить на новом месте.

Так для примера возьму родственников отца. В семье было 6 братьев и сестер. Вместе с БМЗ и Брянским заводом «Арсенал» эвакуировались с семьями четверо. Остался на месте 1 брат. Он работал на БМЗ, на своей лошади осуществлял межцеховые перевозки. Профессия оказалась не дефицитной.

Для того, чтобы прочувствовать сложность эвакуации по железной дороге в связи с её загруженностью, приведу одну общеизвестную цифру, которая также прозвучала в фильме « Битва за Москву»: за пять месяцев с начала войны из западных районов было эвакуировано 1523 предприятия.

Бежица и Брянск опустели. Особенно это было заметно по многоэтажной застройке, где жила основная часть специалистов завода.

А вот сельское население традиционно осталось на месте. Инстинкт выживания у него был привит многовековой историей.

Примерно через 1,5-2 месяца после начала оккупации фронтовые части ушли и на их место пришли специальные, подготовленные для работы на оккупированных территориях, части. Вот они и начали наводить «новый порядок»: регистрировать население, вклеивать в паспорта специальные листки – «ауствойсы», тем, кто начал на них работать, выдавать спецпропуска, разрешавшие ходить по городу с наступлением комендантского часа.

Были назначены старосты, создавалась полиция. В крупных селах и райцентрах создавались опорные пункты с комендатурами, жандармерией и армейскими гарнизонами.

Началась работа по выявлению партийных и комсомольских активистов, евреев и всех, кто оказывал сопротивление. Население обложили налогами, собираемыми, в основном, натуральными продуктами. Назначались так же всевозможные «отработки» -обязательные разного рода работы.

Трудно передать то настроение безысходности, которое создавалось у людей в связи с успехами немцев в первые месяцы войны.

Положение резко изменилось после разгрома немцев под Москвой. В конце декабря линия фронта приблизилась к Дятьковскому району до 60 км.

Ночами можно было видеть на севере всполохи и зарево над линией фронта, вдоль поймы Болвы на утренних зорях был слышен гул от взрывов.

Это лучше любой агитации свидетельствовало о том, что наша армия жива, Москву немцы не взяли, страна живёт и сопротивляется.

У Бежицких партизан наладилась связь с большой землёй. Появились газеты. Первой газетой была «Правда» с речью Сталина на параде 7 ноября.

Деревни были распределены между отрядами, в отрядах назначены люди, которые осуществляли связь с населением закрепленной деревни и доводили до них информацию о положении на фронтах и пр.

Таким образом, исключалось перекрёстное хождение отрядов по одним и тем же деревням, а деревня знала своих партизан и оповещала с появлением всевозможных грабителей под маркой партизан. Люди ждали своих информаторов, для молодёжи был повод провести вечеринку.

На этой волне подъема и началось в январе 1942 года освобождение Дятьковского района от немцев. Партизаны выходили из леса и размещались в деревнях. Были частично восстановлены колхозы и совхозы, проведен весенний сев.

Не берусь судить, на сколько, этот шаг был дальновидным по отношению к крестьянам. С точки зрения пропаганды всенародного подъема на борьбу с оккупантами – безусловно положительную, но последовавшие трагические последствия, по-моему, перевешивают чашу весов. В мае началась блокада Дятьковского района. Немцы сняли с фронта две дивизии и бросили их на борьбу с партизанами. К концу мая зачистка деревень от партизан была завершена, и 6-8 июня все партизанские отряды были заблокированы в лесу. Прилесные деревни были сожжены. Население частично разбежалось по отдаленным деревням к родственникам и

знакомым, а те у кого кто-то из семьи был в партизанах, вынуждены были скрываться лесу.

С этого периода и появились в лесах прослойка – не партизаны, но уже и не крестьяне, обуза для партизан и легкая добыча для немцев.

У семьи Горбачева А.С. и у нас на первом этапе войны всё складывалось по общей схеме. В конце июня нас эвакуировали вместе с механизаторами и их семьями под г. Елец.

События в Брянске развивались довольно бурно. 10 августа немцы захватили северо-западную часть Брянской области, в том числе райцентр г. Клетню. Линия фронта прошла в 50-60 километрах от Брянска. Дальнейшее наступление прекратилось, немцы начали окапываться на занятых позициях. Наши руководители решили, что немцы выдохлись и готовятся зимовать на захваченных позициях.

Наступил сентябрь. Обстановка сохранялась относительно спокойной. Управление совхозов принимает решение вернуть из эвакуации механизаторов и провести осенний сев. Указание было выполнено, и мы вместе с механизаторами вернулись в свой совхоз.

Это сегодня мы уже знаем, что Гитлер 5 августа 1941 года провел в ставке совещание со своим генералитетом, на котором внесли изменения в первоначальный план военных действий, которым предусматривался обязательный захват Москвы на первом этапе. Задача изменилась. Немцы застряли под Киевом. Надо было взять Киев, открыть дорогу к богатым нефтью, металлом и продовольствию югу нашей страны.

Танковая армия Гудермана, которая вела наступление на Брянск, с 10 августа была повернута на Киев. Выполнив там поставленную перед ней задачу, через Конотоп и Орёл эта армия снова пошла на Москву.

Первого октября мы возвращались из Ельца, проехали Орёл, 2 октября немцы его заняли.

Таким образом, Брянск оказался окруженным, а у нас осталась одна дорога – уходить в лес вместе с партизанами. Шестого октября семья Горбачева и мы оказались в Карачижско – Крыловском лесу, в доме лесника Журавкова.

Лесник встретил нас вштыки. Отец уговорил его, объяснив, что мы на несколько дней.

Поведение лесника стало понятным после того, что как мы вошли в дом: кроме лесника, его жены и двух сыновей (примерно двенадцати и четырнадцати лет) в доме поселились, приехав из города две его невестки и у каждой было по маленькому ребенку. Таким образом, в домике, где не было даже перегородок, оказалось 14 человек. Действительно, объяснить немцам,

если бы они нагрянули откуда столько людей в доме, было невозможно. Нужно было уходить. Но куда?

Отцу, как младшему в семье, достался по наследству родительский дом в пос. Городище, где мы жили, пока он учился в Ленинграде. После окончания учёбы в 1938 году отца направили в город Сталин (теперь Донецк) для работы директором дворца культуры горняков. Вернулись в дедов дом в 1940 году, снова его покинули, переселившись в совхоз «Красный Кооператор». В наше отсутствие дом стоял заколоченным. В поселке дом размещался в укромном месте, вдали от магистральной улицы. И было решено, что мы возвращаемся в свой дом по легенде, близкой к истине: мы эвакуировались, но в Орле раньше нас оказались немцы и мы пешком добирались домой. О том, что отец в партизанах, мы не знаем, знаем, что он в армии. За три дня до начала войны отец действительно вернулся из 3-х месячных курсов переподготовки в действующей армии, где его предупредили, что он будет отозван в армию для постоянной службы в звании лейтенанта.

И в самом конце октября – начале ноября мы покинули дом лесника и благополучно добрались до своего дома, надеясь, что нас знают мало и не выдадут немцам. Вслед за нами покинули лесника и Горбачёвы. Горбачёвой, как и у Тресиковой, была дочка и сын 8 лет. Их путь лежал на самый западный конец Брянской области. В безлесной зоне в деревне жил их дед, в дом которого они и направлялись. Шли они по полотну железной дороги(благо она не действовала ещё) И через несколько дней добрались до своего деда. В том районе партизан не было, немцы наведывались редко, о Горбачёве А.С. никто не знал и период оккупации прошел для них относительно спокойно.

А вот для семьи Грешковых испытания только начинались. Не эвакуировавшийся брат отца, о котором я уже упоминал, жил в этом же поселке. По роду занятий мало чем отличался от крестьянина. Он и помог нам залатать дыры в дедовском доме. Кстати, крыша дома была соломенная. Его самого немцы вскоре выгнали из дома, и он с многочисленной семьей переселился к нам и до конца марта мы жили вместе. Зимой на нас стали поступать в комендатуру заявления о том, что мы семья партизанского комиссара. Первые заявления были расплывчатыми, носили предположительный характер. Мать после допросов отпускали, тем более, что по паспорту она оставалась ещё по девичьей фамилией – Громыко и долго ей удавалось сбивать немцев с толку.

Спас нас случай. В апреле из леса к нам пришла разведчица из отряда. На следующее утро она вместе с матерью исчезла.

Вернулась мать довольно поздно, и, как выяснилось, она успела побывать у отца в отряде.

Мать рассказала отцу, что её периодически вызывают комендатуру, а отец рассказал ей, что известный ей бригадир совхоза Рассазкин, отказавшийся вступить в отряд, перешел к немцам и работает на них. Стало ясно, что рано или поздно немцы сообразят, обратятся к нему за разъяснениями.

Так все и получилось. Мать вскоре снова вызвали в комендатуру, показали новое заявление и объяснили, что если завтра данные приведенные в заявлении подтвердятся в совхозе, мы будем ликвидированы.

На ночь мать отпустили домой в полной уверенности, что она с двумя детьми за ночь никуда не денется.

Это же и спасло. Как только начало рассветать, мы тронулись по дороге, по которой накануне мать пошла с разведчицей. Войдя в лес, мы встретили группу партизан, один из которых узнал мать, и они помогли нам добраться до отряда, размещавшегося в деревне Дорожово.

Конец апреля и май мы прожили в деревне Липово, а 6 июня вместе с жителями этой деревни ушли в лес.

Отличались мы от местных жителей тем, что совершенно не знали леса и не умели в нем ориентироваться, у крестьян были кое-какие запасы продуктов, закрытых в тайниках на приусадебных участках. И хотя во время блокады выйти из заблокированного леса было не возможно, но оставалась надежда на будущее.

Поэтому, нас преследовал страх не только погибнуть от пуль, но и оторваться от своей группы, погибнуть от голода.

Впрочем, с началом блокады начался и голод. Ели траву, которая называлась «заячья капуста»: её можно было жевать хоть целый день – голод она не утоляла. Однако мы понимали, что держась вместе с группой, у нас остаются шансы выжить.

Приведу особенно врезавшиеся в память случаи через несколько дней блокадной жизни, несмотря на все наши старания, мы отбились от своей группы.

Бросаясь то в одну, то в другую сторону, в зависимости от того, откуда приближалась стрельба, во второй половине дня мы увидели двух незнакомых нам женщин. Одна из них была с девочкой лет пяти и, как выяснилось, как и мы не ориентируются в лесу, вторая оказалась [родственницей] лесника и хорошо знала лес. Она была ранена в руку, кажется в правую.

Рука была замотана окровавленной тряпкой. На другой руке у неё был ребенок лет от полутора до двух. За юбку держалась девочка лет пяти. Вещей у женщины, как мне кажется, не было. Она была бледная и еле держалась на ногах.

Мы остановились на краю болота, чтобы перевести дух. Прямо перед нами в болото уходил след, а слева стоял широкий пенек. Раненная усадила на него сидевшую на руках малышку. Однако, едва успели женщины поправить ей повязку, как вблизи снова началась стрельба. Нужно было уходить. Раненная взяла за руку старшую и мы побежали. Сил на младшую у неё уже не было, и она осталась сидеть на пне. Убегая, я оглянулся и увидел испуганные глазки девочки. Она не понимала, что происходит и даже не плакала.

Уже начало темнеть, когда мы вышли на поляну, и увидели на противоположной стороне строй солдат.

Из-за сумерек одежда на всех казалась черной. Потребовалось какое-то мгновение, чтобы сообразить, что это немцы. Мы бросились за кусты и деревья, из-за которых только что вышли. Немцы дали по нам залп, но мы уже успели укрыться за деревьями.

В этот вечер нам повезло – раненая вывела нас к нашим липовским.

Приведу еще один случай, так как он был значимым в дальнейшей судьбе нашей семьи. Это случилось уже в конце июня.

Мы с матерью в очередной раз отбились от своих. Оставив меня и сестру на островке болота, мать ушла разведать обстановку в ближайшей округе и встретила отца, который, как оказалось, искал нас. Отец рассказал, что с группой разведчиков сегодня ночью уходит в Клетнянские леса искать место для базирования и последующего перехода туда отряда.

Хорошо ориентируясь в лесу, он без особого труда вывел нас к нашим липовским жителям.

После этой встречи мы увидели отца только в сентябре 1944 г.

Блокада Дятьковских лесов продолжалась примерно до 15 июля. В это время были перекрыты все дороги и выходы из леса. Не было дня, чтобы мы не меняли место стоянки. Шалашей по этой причине не строили. В случае дождя, прятались под ёлки. Хотя ёлка и растёт на сырых местах, но под ней всегда сухо.

Наш липовский «мирный отряд» редко собирался в полном составе. Кто-то временно терялся и, наоборот, присоединялся потерявший своих, чужой. Местные всё равно друг друга знали. Поэтому мне трудно сказать, сколько наших липовских за время, или они смогли просочиться через немцев и уйти в дальние деревни к знакомым или родственникам.

Хорошо запомнил одну пару, так как они выделялись из общей массы. Мужчина, фамилия его была Капинус, имя точно не помню, кажется, Николай, был инвалидом Финской войны. У него не было одной ноги выше колена. Болтавшуюся брючину он затыкал сзади под ремень. Ходил на костылях. Но, когда попадали под обстрел, я его не мог догнать – так быстро он наловчился бегать. С нам была очень молоденькая жена. Её имени я не помню.

Когда все, кто должен был собраться после блокады, собрались - этой пары не было, это я знаю точно.

Сейчас трудно представить, сколько липовцев убежало в лес, когда немцы занимали деревню. Отход был неорганизованный, да я никого и не знал. Только сами липовцы могли знать друг о друге, кто ушел, а кто погиб.

К строительству шалашей приступили человек 15 женщин. Ни одного мужчины среди нас не было. Только к одной беременной женщине приходил из отряда постоянно муж. Шалаш для жены и дочки он поставил рядом с нашим. Запомнился он мне тем, что никогда не разговаривал и был очень маленького роста (метр с кепкой). Мне кажется, что он был прикреплен отрядом к нам, т.к. он помогал нам расставлять наши посты, осуществлял нашу связь с отрядом. Метров в двухстах от нас поставили свои шалаша жители Першино. Их было чуть меньше, чем нас.

Началась межблокадная жизнь.

Под прикрытием партизан женщины стали выходить на поля и огороды и собирать для себя и партизан всё, чторосло на неухоженной земле. Эти выходы не всегда заканчивались успешно, так как немцы и полицаи устраивали засады. А нужно было уже думать не только о дне сегодняшнем, но и о приближающейся зиме, и каждой семье готовить себе базу.

Ждать помощи с большой земли, через партизан, не приходилось, т.к. они ходили голодные, как и мы. А немцы сожгли все деревни на расстоянии до 40км. От леса.

База бежицких партизан – деревни Дорожово, Домашово, Першино, Ляды, Толвинка, Толбино, Крючки, Соколово, Корглинка были сожжены. Таким образом, партизанам и самим предстояло решать продовольственную проблему на предстоящую зиму. Хотя блокада закончилась, расквартированные на оккупированной территории гарнизона (они и создавались для борьбы с партизанами) постоянно совершали точечные, целенаправленные удары на отдельные отряды.

Для этого немцы вели постоянную разведку всеми доступными способами и не только засылкой и внедрением шпионов всех мастей под всякими масками, но особенно нам досаждала разведка с помощью авиации.

Самолет-разведчик, прозванный в отряде «рамой» заставлял постоянно быть в напряжении: ни разжечь костер днём, особенно из дымящей древесины, не развесить бельё на кустах и т.п. Самолет мог летать очень медленно, был оборудован аппаратурой для съёмки, имел снизу броню, что делало его практически неуязвимым. Аэродром размещался рядом – между Бежицей и Брянском на месте, где до войны был наш военный аэродром.

Поэтому, если самолет пролетел над головой, надо придиричиво осмотреть стоянку и в случае, если что-то забыли убрать, то лучше поменять место.

Если позволяла обстановка, то как я уже упоминал, женщины уходили на добывание продуктов.

В лагере всегда оставалась беременная соседка с девочкой, одна-две женщины-дежурные и я с сестрёнкой.

В октябре приступили к строительству землянки. Возглавлял наш женский стройотряд всё тот же мужичок. Мы под своими нарами выкопали ямку, куда мать засыпала всю, добытую картошку.

Местные женщины, собиравшие урожай в основном на своих огородах, там его и прятали, а в лес приносили только на текущую потребность, и они оказались более дальновидными, чем мы.

Существовал простой способ избавиться от страданий, которые выпали на нашу долю – улететь на самолете на большую землю. Об этом мечтало всё мирное население, попавшее в лес.

Ведь почти 100% это были женщины с детьми, одинокие и молодые могли уйти в отряд.

Среди всех мы с матерью, на мой взгляд, имели преимущество: мы уже один раз ушли от расстрела и были у немцев в картотеке, а главное мы небыли местными, не знали леса и не имели своей, хотя и малонадежной, деревенской базы, дававшей возможность не умереть с голода.

С этими мыслями мы с матерью дважды ходили к Рыжкову с надеждой улететь на большую землю. Но, видимо, негативное отношение, которое сложилось у него к Горбачеву и Тресикову после шутки Горбачева с переодеванием, в результате которой он отстранил Тресикова от должности комиссара и последующие трения между ними сыграли свою роль и мы не улетели. Могли бы отправить только меня и сестру, оставив мать в отряде (так часто поступали), но и это не было сделано.

Так, например, Клетнянский партизанской бригады И.А. Панасенков – он отправил на большую землю троих детей моей будущей тётки, а саму тётку зачислил в отряд.

В середине октября мы перешли из шалашей в землянку. Наша соседка по шалашу разродилась двойней. А в ноябре немцы обнаружили нас. Не могу вспомнить, как это произошло, но мы спешно покинули обжитую землянку и перешли в северо-западном направлении, ближе к Святому озеру.

Выбрали место рядом с жителями деревни Дорожово. По сравнению с нами они были более многочисленны.

Мне бросились в глаза два больших котлована, выкопанных под землей на краю поляны, и брошенных. Снега было много, и желтый песок котлованов был виден для «рамы», даже сели бы, она пролетела у самого горизонта.

Грунтовые воды оказались высоко, и котлованы бросили, выкопав новые в метрах ста от прежних. В надежде на скорый снег котлованы не маскировали.

Мы выбрали место и в первых числах декабря заселились в новую землянку.

Мать перенесла из прежней землянки уцелевшие запасы картошки и снова спрятала в приямок под нарами.

Во второй половине декабря 1942 года началась новая блокада Дятьковских лесов. Снова были сняты с фронта регулярные войска с танками, артиллерией, авиацией и брошены на подавление партизан.

В последней декаде декабря немцами был снят с поста наш часовой. Часовых выставляли дорожовцы. Как правило, это были парнишки лет шестнадцати. Пост был за полтора километра от лагеря, на единственно возможной дороге, по которой можно было пройти к лагерю.

Часовой прятался за кладкой дров, заготовленных в довоенное время. Осталось загадкой – почему он не смог сделать выстрела. На месте, где он стоял, остались многочисленные следы от немецких сапог.

Стало ясно, что надо уходить. Но дорожовцы рассудили, что торопиться не стоит, пока немцы соберутся, пройдет не меньше трёх дней.

Наши женщины так не рассуждали и утром следующего дня мы покинули обжитую землянку и ушли на Святое озеро.

Облюбовали место рядом с жителями деревни Домашово. У них было две маленьких землянки и мы начали строить свою.

Как назло стояли крепкие морозы.

Вся наша липовская команда сумела втиснуться в домашовские землянки, а мы едва смогли пристроить мою сестру, а сами с матерью должны были ночевать на улице.

На берегу озера, близко от нас, были кладки с сухими дровами. Плашки от толстых брёвен служили нам постелью и по ночам мы спали поочередно,

один следил за костром и за тем, чтобы не сгорел спящий. Строительство землянки продвигалось медленно - мерзлая земля не давала разогнаться. Дня через три после нашего прихода, партизаны привезли едва дышащего старика - дорожовца и он рассказал о разыгравшейся трагедии, которая случилась с ними. Немцы окружили их землянки. Уйти никто не успел. Пытали. Потом построили всех на краю котлована, выкопанного под землянку и расстреляли.

Он упал прежде, чем в него попала пуля. Но уже, когда немцы добивали упавших в котлован, он получил шесть ран.

Вскоре его отправили самолетом на большую землю. История жителей деревни Дорожово, ушедших в лес на этом закончилась.

Отряд Виноградова во второй половине декабря так же перешел в район Святого озера. Из разговоров с партизанами мы узнали, что население, базировавшееся вокруг Круглого озера, теперь полностью перешло и разместилось в этом районе.

Начавшаяся во второй половине декабря блокада означала, что немцы прочёсывают лес и надо сидеть, не высываясь, соблюдая самые строгие меры маскировки. Но она так же означала наступление нового голода.

Если до блокады мы жили впроголодь, экономили каждую картошинку, то теперь был полный зимний голод.

Наши скудные запасы остались прикопанными под нарами на прежней стоянке (это всё, что у нас было). У липовских женщин тоже остались там кое-какие запасы, не унесенные при переходе.

Не выдержав голода, женщины решили сходить на покинутую дорожовскую стоянку. Там они увидели, что наша землянка взорвана немцами, но кто-то, разбросав обвалившийся накатник, добрался до нашей захоронки и, не теряя времени, шашкой тола вскрыл её, собрал незначительную часть наших запасов, а большая часть разлетелась от взрыва и пропала.

Не трудно было догадаться, чья это работа. Мать вернулась в слезах.

Блокада закончилась, немцы нас не нашли и наши соседки начали ходить в свои деревни. До Липово и Домашово было далеко, снег глубокий, дорог нет. Впору бы пустому добраться.

Если женщины что-то и приносили, то только для своих ртов. С нами делились, но это были крохи.

Моя сестра, ей в феврале исполнилось 4 года, перестала ходить, ослабев от голода.

Приведу один пример.

Когда во второй половине марта начало пригревать солнце, кто-то принес новость, что на болоте показалась из-под снега оттаивающая лошадь.

Женщины дружно бросились добывать конину. Оттаивающие на солнце места отделялись от лошади без всяких ножей и топоров. Когда мать положила в кипяток такой кусок, он на наших глазах растворился. Жидкость была такой вонючей и омерзительной что, даже умирая от голода, есть её было невозможно.

Тогда принялись за шкуру. Мать принесла приличный кусок. Разделив его на более мелкие части, обожгли на костре шерсть, при этом кожа сворачивалась трубкой. Я пробовал опаленную трубку грызть, но зубы не брали.

Тогда мать решила сварить из неё что-то вроде холодца и, это вариво мы съели. Отравились так, что на холодец я не могу смотреть всю оставшуюся жизнь.

Наступил апрель, но снег почти не таял. Домашевский дед из соседней землянки смастерил нам санки и, погрузив на них мою сестру и пожитки, мы отправились в путь.

Конечную цель нашего пути мать мне не говорила.

Как потом выяснилось, мы шли в деревню Зерновка Жуковского района. В этой деревне, как рассказали ей партизаны, немцев не было, староста был ставленником партизан. В деревне находился партизанский дозорный пункт человек из пяти Жуковского партизанского отряда.

Несмотря на то, что уходили мы уже во второй половине апреля, снег в лесу почти не таял, на полях вытаяли только холмы. На дорогах, по которым никто не ездил, появились проталины.

На четвёртый, или пятый день мы добрались до цели. Мать нашла старосту, рассказала кто мы и он поселил нас в пустой дом. Поговорила мать и с партизанами. Договорились, что при появлении немцев, они помогут нам уйти в лес вместе с ними.

Деревенские прозвали нас сразу «лесные». Поля освободились от снега. Появилась возможность собирать прошлогоднюю мёрзлую картошку. Народ называл её «лындики». Местное население её не ело, а для нас она казалась лакомством.

Но пришла новая беда – мы заболели тифом. Сначала сестра, затем я. Когда я начал приходить в себя, заболела мать.

Шел уже май 1943 года, и однажды утром мы проснулись от лязга гусениц, шума машин – в деревню вошли немцы.

Мать еще только начала отходить от болезни и едва передвигалась по дому. Решили выйти на крыльцо, чтобы посмотреть на обстановку. Едва мы выбрались на крыльцо, как над деревней на малой высоте появились немецкие самолеты и начали бомбить своих. Видимо пехота с танками

заняли деревню раньше графика. Пока немцы пускали ракеты, одна из бомб упала прямо напротив нашего крыльца, обдала нас грязью из лужи, но не взорвалась. В наш дом немцы не заходили, хотя в деревне они были довольно долго. Староста предупредил их, что мы тифозные, домик был ветхий и немцы оставили нас в покое.

Примерно в середине июня, когда никакой техники в деревне уже не было, всё население деревни построили на небольшой площади и пересчитали. Помогавшие немцам полицейские побежали по домам и собрали спрятавшихся несколько стариков и старух. Отобрали из строя таких же по возрасту, а также больных и слабых, загнали их в большой сарай и заперли. А нас погнали из деревни.

Когда мы покидали деревню, были слышны выстрелы, а сарай горел. Нас погнали на Жуковку. Гнали дня два. По дороге наша колонна постоянно пополнялась.

В Жуковке, после санобработки загнали в теплушки и в вечерних сумерках состав тронулся. В это время наша авиация начала бомбить станцию. Произошло это 22 июня 1943 г.

В теплушках нас было столько, что мы могли только стоять. Первый раз нас выпустили из вагонов только утром. Поезд остановился в чистом поле. Состав наш оказался довольно длинным. Товарные вагоны имели в конце открытый тамбур. Почти в каждом ехали вооруженные немцы. Везли нас через Минск, Вильнюс, и выгрузили в г. Лида. Территория вокруг станции была огорожена колючей проволокой.

Оставив меня с сестрой, мать пошла разобраться, куда нас завезли. Вскоре она вернулась и сказала: «Чудно, город называется как и я – Лида». Увидела двух городищенских девушек, но подходить, на всякий случай, не стала: помятуя, что в городище нас уже немцам выдавали».

В Лиде шла сортировка угоняемых. Часть отбирали для работы в Германии, часть отправляли на рытьё окопов Польшу. Таких как мы, посадили в вагоны и по узкоколейной железной дороге привезли в город Новогрудок, а дальше на машинах в г. Любча. На огороженной колючей проволокой территории стояло несколько барачков (кажется 4). В эти бараки нас и загоняли. Спали мы прямо на полу.

От нашего барака в реку Неман был прорыт канал, заполненный рыжей, вонючей водой.

Как потом стало известно от местного населения, до нас в лагере держали евреев, собранных с территории Западной Белоруссии и Литвы (около трёх тысяч).

Перед нашим приездом они были расстреляны. Недели через две мать стали гонять на работу, а я оставался присматривать за сестрой, она всё еще не могла ходить, да и здесь набраться сил от гороховой баланды было невозможно.

Скоро и меня забрали на работу - пасти коров. Пасти надо было от зари и до зари, поэтому в лагерь на ночь я не мог возвращаться.

В углу коридора хозяйка бросила на пол какое-то старое пальто – на нем я и спал. За день я так выматывался, что мог бы спать и на голом полу. Хозяйка довольно чисто говорила по-русски. Своего «хозяина» я видел всего один раз. Это был литовец – младший офицер. Их форма отличалась от формы немцев. Он сидел за столом, перед ним стояла миска с сырыми яйцами и он их употреблял (видимо у него было мало времени). Мы обменялись взглядами и я молча ушел на свой тюфяк. Больше я его не видел. Иногда меня посылали на обработку посадок табака. Требовался детский труд. Нужно было обрезать нежные листья, а пробираться между рядами мог только ребенок. Так я освоил профессию табаковода и после войны обеспечивал отца самосадам.

Осенью, когда закончились сельхозработы, мать меня нашла. Лагерь немцы видимо ликвидировали. Мы поселились в деревне, недалеко от города. В пустовавшей половине домика нас разместились четыре семьи. За нами наблюдал полицейский отряд этой деревни.

Теперь мать работала на обмолоте зерна, отправляемую в Германию. За зиму партизаны раза три, или четыре нападали на полицейский отряд, и мать умудрилась переговорить с партизанами. Они ввели её в курс дела на фронте, рекомендовали не входить в контакт с польскими партизанами, на случай если они объявятся, и в лес не уходить, о чем она их попросила. Рекомендовали лучше дожидаться прихода Красной Армии в деревне, так как это безопаснее и главное - ждать осталось не долго.

Весной меня и мать вернули на прежнее место работы.

Однако в начале июня наши хозяева исчезли и мы стали «вольнонаёмными» и помогали тем, кто позовет, за то нас кормили.

Мы снова вернулись в дом, где зимовали.

Примерно 10 июля немцы без боя покинули г. Любча, и город заняли партизаны.

Однако, на следующее утро мы увидели в своей деревне не Красную Армию, а казаков в традиционной дореволюционной форме. В телегах у них сидели женщины с детьми и узлы с вещами.

Кто-то сказал, что это власовцы.

Думаю, что это была часть обоза отступающей армии Власова, бендеровцев и казаков, перешедших на сторону немцев.

В городе Любча они застали врасплох партизан и тех, кого им удалось взять в плен – повесили.

Нам пришлось, на всякий случай, спрятаться в погреб. На следующий день наши войска подошли к городу, а партизаны перекрыли дороги на запад. И теперь уже партизаны на всех столбах развесили предателей Родины.

Потребовалось больше месяца, чтобы мать оформила документы, и мы смогли уехать домой.

Путь домой был долгим. Пассажирские поезда не ходили, а на товарных мы добирались более двух недель и прибыли в Брянск в первых числах сентября.

От отца и бежитских партизан мы и узнали, что во время майско-июньской блокады немцы окружили весь лесной массив вокруг Святого озера и все мирные жители, собравшиеся в этом лесу, в том числе и перешедшие из Соколовского леса, были уничтожены.

Выжил один старик – Антон Моисеевич Байдашов, спрятавшийся в корнях вывороченного дерева в русле ручья. Он-то и рассказал подробности бойни, которую учинили фашисты над мирными жителями, включая детей и стариков.

Наши мытарства закончились. Мне уже пошел одиннадцатый год и надо было идти учиться и наверстывать упущенные годы.

Восстанавливались села, города и заводы. А вот места, где когда-то были деревни Можерь, Головашки, Першино, село Липово, поросли бурьяном. Жизнь на них не возродилась.

Тресиков А.

8.12.2012